

*Бытовые сценки из жизни ранневизантийского города
Фрагменты бордюра мозаики из Якто
(Антиохия. V в.)*

ЛЕКЦИЯ 23

М. В. Пархоменко

ИДЕАЛЬНАЯ СРЕДА ОБИТАНИЯ ПО-ВИЗАНТИЙСКИ: СТАНДАРТЫ ГОРОДСКОЙ ЭКОЛОГИИ РОМЕЕВ

Ежегодно Транснациональная консалтинговая группа Mercer Human Resource Consulting, проводит исследование качества жизни («Quality of Living Survey») в 215 городах мира. В основу ранжирования положены 39 критериев, среди которых на первых позициях социально-политический и экономический климат, условия окружающей среды и вероятность природных катаклизмов, медицинское обслуживание, возможности получения образования, качество коммуникаций, общественного транспорта, водо- и электроснабжения. Внимание уделяется досугу и доступности потребительских товаров. За эталон для отчета в исследовании был принят Нью-Йорк.

Подобные анализы отражают современное ценностное восприятие качества жизни, базирующееся вокруг городской культуры. Однако следует учитывать, что такой градоцентризм ярко проявился уже в римской и византийской цивилизациях, заложивших (по крайней мере, в Европе и в так называемом производном от нее «западном мире») критерии для будущей организации пространства и сути урбанистического мира.

Но существующие ныне критерии оценивания удобства жизни отражают ценностное восприятие человека современности, нам же интересно, что византиец считал идеальной средой обитания для себя. Естественно, учитывая специфику источниковой базы, ее авторство, нам так или иначе будет сложно проследить мнение представителей различных социальных слоев византийского общества о том, каким должен быть идеальный город, поэтому мы попытаемся показать усредненную картину видения идеальной городской экологии глазами ромеев.

Большинство авторов византийских хроник рассматривают империю сквозь призму ее столицы – Константинополя, куда, по словам Прокопия Кесарийского, «...из всех стран собирается самая разнообразная масса людей. Каждый из них является сюда или по своим делам, или руководимый надеждой, или в ожидании счастья; иные, ... чтобы просить помощи у императора». Византий, таким образом, являлся золотым стандартом для характеристики качества жизни в стране ромеев. С его описания Прокопий начинает наиболее полную энциклопедическую сводку городов империи в своем хвалебном труде «О постройках». Характеризуя строительную деятельность императора Юстиниана, автор предоставляет читателю возможность путешествия по городам империи, значительная часть которых не уцелела до наших дней.

Анализируя сведения об очередности строительства, его характерных элементах, условиях, а также оценочные суждения византийского историка, мы можем представить образ идеального ромейского города и выявить основные критерии стандартов жизненного пространства византийца. Применив их к провинциальному центру на окраинах империи Херсонесу–Херсону, мы можем попытаться проверить соответствие этого города византийскому идеалу.

Представление об эстетическом и экологическом положении города не было чуждо византийцам. Прокопий, описывая Константинополь, называет море главным природным украшением столицы: «...море венком окружает город, остается лишь небольшой промежуток, который заполняет земля, и кажется, будто она, как лента, связывает в этом месте венок моря». Необходимость жить возле моря, видеть его коренились в географическом положении родины потомков Эллады. Право иметь вид на это «украшение» из своего дома зафиксировано в нескольких законодательных актах, в том числе Кодексе Феодосия, согласно предписаниям которого ни усадьбы соседей, ни какие-либо иные постройки не должны были мешать ромею любоваться волнами. Но к этому мы вернемся рассматривая стандарты обустройства жилья.

Наличие выхода к морю не было обязательным условием градостроительства, но было весьма желательным. Оно предоставляло, кроме эстетики и полезного климата, неиссякаемый источник материальных богатств, позволяющий обитателям города выжить благодаря рыболовству и торговле даже во времена неурожая. Это особенно подчеркивал Прокопий: «В довершение ко всему другому богатству и роскоши города также и море красиво оmyвает его, особенно образуя заливы и проливы и изливаясь в глубокие морские бассейны. Этим оно делает город исключительно красивым: спокойным убежищем своих заливов привлекает он мореплава-

телей; изобильно поступают сюда предметы питания и богат он всем тем, что необходимо для нужд жизни».

Византийский Херсонес–Херсон, омываемый гостеприимным морем (Понтом Эвксинским), использовал его возможности сполна, став важным производителем и отчасти экспортером рыбной продукции империи. Ранневизантийские рыбозасолочные цистерны, используемые для промысла, по крайней мере, до IX–X вв., были достаточно многочисленны, а порой и столь значительны по объему, что по праву могут считаться неотъемлемой архитектурной составляющей города. Кроме прочего, они создавали в нем особый крепкий аромат, давая представление о специфических запахах, царивших в приморских центрах.

Море служило также естественной географической преградой от нападения варваров, но могло нести и угрозы, наличие которых осознавали византийцы. Такими были, например, стихийные явления, вызванные сильными природными катастрофами. Землетрясения являлись периодическими катализаторами цунами, разрушавшими общественные и частные постройки.

При этом каждый византийский город мог рассчитывать на имперскую поддержку. Херсонес, по-видимому, получал ее не единожды на восстановление стен в V и VI веках (а возможно, и позднее), на что указывают письменные источники. Природный катаклизм заставлял задумываться о его природе и возможных мерах предупреждения и облегчения последствий. Не случайно, именно с VI в. в общественном строительстве города получает распространение сейсмоустойчивая кладка *opus mixtum*. Так, землетрясение 554 г., по сообщениям Агафия, полностью уничтожило Кос, Берит, затронуло Александрию и часть городов в Азии. Константинополь трясло в VI в. с периодичностью в 2–5 лет – 534, 536, 538, 540, 546, 547, 550 и 551 – самое крупное землетрясение, значительно разрушившее город и Святую Софию. Продолжительность катастрофы составляла от нескольких до 40 дней, и, по описаниям авторов, в эпицентре землетрясения его сила должна была составлять от 5 до 8 баллов по шкале Рихтера. После землетрясения 557 г. Юстиниан отменил пышные обеды и раздачу подарков для столичной знати, а сэкономленные деньги отправил пострадавшим.

С моря также мог напасть владевший кораблями враг, потому особое внимание уделялось защите бухт города. Они должны были быть безопасными для собственных судов и неприступными для непрошенных гостей. Византийский Херсон располагал такой удобной, вместительной Карантинной бухтой, недоступной волнам даже во время самого сильного северного шторма. Вообще, безопасность мы можем рассматривать как основной

элемент благополучного с имперской точки зрения византийского города. Под ее составляющими понимали: хорошее расположение по отношению к неприятелю (возвышенность, защищенность природными факторами типа гор и водоемов, удаленность от внешних границ), качественные крепостные стены, наличие запасов питьевой воды в колодцах и водосборных цистернах. Последнее рассматривалось как стратегический военный запас для существования города в условиях догой осады.

На особое внимание государственной власти в плане поддержания защищенности могли рассчитывать населенные пункты, находившиеся на окраинах державы. Крепостные стены воспринимались империей как возможность защиты своих налогоплательщиков. В противном случае ее подданные попадали под угрозу нестабильной экономической жизни, лишались прибыли, а это лишало доходов и империю. Для горожан же крепостные стены, помимо вопроса выживания, обеспечивали возможность платить дань одному «хозяину» с достаточно понятной и стабильной системой налогообложения и защищать благополучную городскую инфраструктуру.

Херсон для империи расценивался как форпост Византии на границе с «...таврами и тавроскифами, ... на краю пределов римской державы». Поэтому, как отмечал Прокопий, застав его «стены в совершенно разрушенном состоянии, он [*император Юстиниан – М. П.*] сделал их замечательно красивыми и крепкими». Следуя логике источника, можно заключить, что в эти постройки вкладывались значительные средства, оборонительные сооружения не раз перестраивались и достраивались. Более того, в городе присутствовал военный гарнизон, для которого выделялась специальная особо укрепленная юго-восточная часть города, ныне известная как «Цитадель».

Христианское мировидение отразилось в традиции выстраивать дополнительную, символическую духовную защиту возле стен города в виде храмов, своеобразных «ретрансляторов святости», а, значит, и небесной защищенности по всей империи. Такие храмы защищали укрепления Константинополя, и подобную практику мы можем наблюдать возле «Цитадели» Херсона у верховьев Карантинной бухты. Это известный из разнообразных источников окруженный оградой-периволом Южный загородный храм, одноименный с высокопочитаемым храмом Богоматери Влахерской на оконечности столицы рядом с Золотым Рогом.

Стены Корсуни, как тогда называли русы Херсон, стали, по словам летописца, главным препятствием для князя Владимира: «Войска подошли к высоким стенам Херсонеса, но их встретил смертоносный дождь из стрел и град из камней, сеемые защитниками». Город оставался неприступным

не менее шести месяцев, и ничто не предвещало его поражения, пока не был раскопан, перерезан водопровод и путь, по которому доставляли припасы с кораблей.

Этот пример особенно наглядно показывает, почему вторым по значимости критерием качества жизни в городе византийцы считали наличие водопровода. Там, где было необходимо, меняли русло рек, искали подземные источники и обязательно скрывали способы подачи воды от неприятеля.

В первые века н. э. от источников, расположенных в окрестностях Херсонеса, в город был проведен водопровод протяженностью 8–10 км. Остатки этих линий были открыты при раскопках Западных ворот города. Кроме подачи проточной воды в городе создавались вместительные водохранилища, постоянно охраняемые вооруженной стражей. В частности, крепостным резервуаром для хранения воды служила цистерна в западной части города, засыпанная, видимо, в конце IV – начале V в. На смену ей в Южном районе, неподалеку от Мертвых ворот, была построена новая, еще большая (28 x 13,5 м, сохранившаяся высота 3,75 м).

Не менее важными элементами благоустроенного города считались бани. По частоте упоминаний в трактате «О постройках» они занимают второе место после описаний систем водообеспечения. В ранневизантийское время термы еще по римской традиции воспринимались не только как средство поддержания высокого уровня гигиены, но и как место светского досуга. В средние века они утратили такой откровенно общественный характер, но их значение купален сохранилось. В византийском Херсоне функционировало не менее пяти небольших общественных бань. Их следы открыты в северных, северо-восточных кварталах и в «Цитадели».

Следующими элементами, относимым к «украшениям города», Прокопий считал нищеприимные дома и больницы, создаваемые, как правило, на имперские деньги или средства меценатов. Они должны были быть обеспечены необходимым количеством медикаментов, инструментов и штатом персонала. Исследования позволяют предположить, что в Херсоне на месте помещения из нескольких залов около куртины находилась общественная больница VI–VIII вв., состоявшая из терапевтического отделения, возможно, женского и мужского спальных отделений. Еще одна монастырская лечебница и приют для калек входили в монастырский комплекс «дома Св. Леонтия» у северо-западной оконечности городища.

Кроме того, Прокопий подчеркивал, что деньги выделялись на обустройство площадей и рынков, места расквартировки имперских чиновников, что можно обнаружить и в византийском Херсоне в районе центральной агоры и в «Цитадели», где в IX в. были устроены два сменивших друг друга здания преториев.

Важное место уделялось возможности получения жителями империи образования. Найденное в Херсоне значительное количество книжных накладок, а также насущная необходимость подготовки грамотного клира для проведения богослужения в многочисленных (не менее четырех десятков), одновременно функционировавших храмах города, указывают на обязательное наличие в провинциальном городе хотя бы одного образовательного центра, существование библиотек. Одной из таких библиотек, находившейся в распоряжении Херсонского архиепископа Георгия, в 860–861 гг. пользовался прибывший в город Константин Философ.

Христианские храмы были, пожалуй, главной, после обеспечения безопасности города, заботой строительной деятельности Юстиниановой и Постюстиниановой эпохи. Их обустройство можно рассматривать в VI–VII вв. не только как торжество православия, но и как подавление местной аристократии и подчинение провинций имперской центральной власти. Источники сохранили примеры того, как по приказу императора разрушались храмы, построенные на личные средства, а вместо них воздвигали «лучшие», на средства василевса. Мы не можем точно сказать, какова была ситуация в Херсоне: Прокопий, описывая в подробностях, на что выделил деньги кесарь, для Херсона упоминал средства на его крепостные стены. Возможно, позитивную роль сыграла традиция горожан строить храмы на пожертвования вскладчину, всей общиной, что не позволяло выделяться и превозноситься отдельным прихожанам.

В любом случае, византийцы ставили градостроительство вровень с военными победами. Вторя Прокопию, его поздний современник Агафий Миринейский отмечал по этому поводу: «Прекрасным и счастливым приобретением являются победы и трофеи в войнах, основание и восстановление городов и всякие тому подобные великие и достойные памяти дела. Эти деяния доставляют известность, славу и наслаждение творцам их».

Как довершение украшения города и особую милость императора Прокопий называет фонтаны и статуи, скорее всего, самого императора. Если о фонтане мы сведений не имеем (если не считать таковым фреар в ауле самой большой базилики Святых Апостолов Петра и Павла и фреар аулы Западной базилики), то можно предположить, что на агоре Херсона возвышалась «золотая» (позолоченная?) статуя Константин Великого, полученная, по утверждению источников Константина Богрянородного, в IV в. в благодарность за военную помощь херсонеситов: «...жалуем им также золотое изваяние с царской мантией и застежкой и золотой венец для украшения вашего города». Если это так, она была одной из самых ценных реликвий города, свидетельствующей о его высоком статусе.

Наконец, оценить комфорт жизни мы не можем без понимания того, что византиец считал для себя идеальным жильем. Пожалуй, единственный пример комплексного описания идеального византийского дома встречается в византийской сельскохозяйственной энциклопедии – Геопониках. Намерено приведем полную цитату источника, чтобы понять, какие акценты делает автор при характеристике идеального дома: «Наиболее здоровыми оказываются обычно приморские местности, горы и места, расположенные на склонах, обращенных к северу. 2. Места близ стоячих вод и болот, глубокие долины, а также места, обращенные к южным ветрам, и западные склоны оказываются местами нездоровыми. 3. Жилье нужно строить на местах более возвышенных. Такие места наиболее здоровы, с них открывается широкий вид и гораздо лучше обозревать всю местность. 4. Весь дом должен быть обращен к востоку, так же как и двери, потому что восточные ветры являются самыми здоровыми, а солнечное тепло, проникая скорее в дом, рассеивает и разгоняет плотный густой туман. 5. Дома должно делать не низкие и не тесные, а просторные, широкие и высокие. 6. Некоторые же советуют обращать жилье на юг, чтобы в нем было больше солнца. Но я считаю, что лучше жилье, обращенное на восток, потому что нот, дующий с юга, влажен, порывист и наиболее болезнетворен».

Автор, таким образом, выделяет несколько основополагающих качественных характеристик византийского дома: расположение, включающее вид, место в городской планировке, климат; структура дома, включающая представление о размере этажности, и соотношение составных элементов.

Самым ранними доступным законодательным актом интересующего нас периода является Кодекс Феодосия. Тут указывается на необходимость соблюдения расстояния в 4,5 м. при строительстве дома рядом с общественным зданием, при этом оговаривается, что это, в первую очередь, защищает владельца самой частной постройки в будущем. Государство обязуется не сносить строение под видом несанкционированной постройки. В свою очередь, это расстояние должно защитить и общественные постройки от возможных разрушений.

Следующий источник, отразивший представление византийца о правильном расположении дома в городской планировке, написан гораздо позднее, но сюжетная линия, представленная в нем, позволяет экстраполировать его данные на городскую ситуацию ранневизантийского периода. В «Советах и рассказах Кекавмена» даются рекомендации относительно расположения дома возле крепостной стены. «Каждый день осматривая стены и ворота и изнутри и снаружи. Стены крепости должны быть свободными – пусть дома не примыкают к ним. А если и есть [такой дом], раз-

рушь его и совершенно оголи стены и изнутри и извне, в особенности же ворота, чтобы у тебя была возможность обходить и осматривать их. Если же дом, примыкающий к стене, – старый и дорогой, пусть тебя не смущает его уничтожение, разрушь и его». Побудили на написание подобных наставлений автора текста события 60-х гг. XI столетия в Италии, где один из городов захватили норманны именно благодаря дому, прилегающему к оборонительной стене: идрунтец Малапецис, охранявший город, не разрушил жилище, так как оно было старым и дорогим, а также потому, что оно принадлежало его племяннице.

Этот сюжет показателен тем, что в нем отразился конфликт византийского градостроительства, стремившегося соединить безопасное расположение домов с античным традиционализмом, выражавшемся в желании сохранить облик города неизменным. На наш взгляд, эта тенденция отчетливо прослеживается в ряде законодательных актов поздней античности и раннего средневековья, в которых предписывалось при реконструкции дома «восстанавливать его старый облик из руин». В случае невозможности осуществить реконструкцию с прежним видом, проводились судебные разбирательства с привлечением соседей. Кодекс императора Зинона предписывал тем, кто восстанавливает свои здания, не увеличивать их прежний размер: «...и если строитель (владелец) получил разрешение, он может изменить структуру, если он желает, но не внешний вид».

Константин Богрянородный в трактате «Об управлении империей» (середина X в.), указывает на наличие подобного дома, принадлежавшего богатому горожанину, занимавшемуся скотоводством, в Херсонесе. По мнению С. Ю. Сапрыкина, так называемые Сосы (место, где располагался дом), «согласно тексту легенды», находились «в нижнем городе близ порта» (очевидно, юго-восточный квартал Херсонеса): «Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так, чтобы из входивших в город его животных каждое стадо – коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов – входило через свои воротца и шло в свое стойло». Отечественные исследователи с недоверием относятся к данным этого источника, так как зданий описанных размеров ни античного, ни средневекового периода в Херсонесе–Херсоне найдено не было. Но если учесть замечание Кекавмена о том, что наличие подобного строения у крепостной стены было небезопасно для города, можно предположить, что его со временем уничтожили.

Вместе с тем, следует учитывать, что необходимость поддерживать внешний облик жилых домов, начиная с поздней античности до X в., объ-

ясняет, почему внешние стены ранневизантийских усадеб Херсонеса–Херсона основывались и повторяли позднеантичные, а стены домов X в. повторяли контуры предшественников.

Византийские законодатели и архитекторы, планируя застройку жилых кварталов, стремились соединить традиционные античные ценности с необходимостью сделать жилье безопасным. Так, византийский архитектор VI в. Юлиан Асколонит видел опасность в четырех стихиях – «огонь, воздух, вода и земля». Они, по его мнению, могли навредить людям при несоблюдении предложенных им правил расположения между соседними жилыми домами и эргастириями. «Существуют четыре стихии и от воздействия их (при строительстве зданий) у людей возникают недоразумения».

Наибольший вред соседям приносят случаи «которые происходят вследствие применения огня. Огонь и дым и дурной запах при возжигании материалов предоставляют нам на выбор – или потерпеть вред – или же соблюдать определенные расстояния». Юлиан Асколонит указывает расстояние, на котором следует располагать производственные помещения, бани и другие строения, в которых используются огонь. Если ремесленнику и разрешалось совмещать профессиональную деятельность с жильем, использовать в производстве огонь, то он должен был придерживаться правил. Так, например, красильнику запрещалось, разводить огонь подле находившегося выше строения. Запрещалось располагать новые эргастирии ниже других домов. Старые требовалось отодвинуть от вышерасположенных домов на расстояние в шесть с половиной локтей.

Беспокоили архитектора опасности распространения запахов среди соседей. По этой причине дома маслоделов надлежало располагать выше соседних жилых домов. Жилье канатчиков и валяльщиков следовало строить уединенно, чтобы они не соприкасались с другими, если же встретится необходимость, чтобы эти дома размещались по соседству с другими и даже соприкасались с ними, то хозяин таких домов должен был дать письменное обязательство живущим в смежных домах соседям, что он не будет окуривать, возжигая серу, канаты в своих домах. Дома изготовителей маринада из-за безвонного запаха вообще следовало размещать подальше от жилых помещений и желательно за чертой города. Но, вместе с тем, оговаривалось, «что все вышесказанное относится к тем, которые воздвигают новые постройки. Если же имеются старинные документы, разрешающие подобные постройки или существует соответствующее право на использование данной территории, следует соблюдать существующие с древних времен постановления относительно домов этих ремесленников». Как видим, архитектор предлагает предотвратить возможный пожар и распространение неприятного запаха соблюдением правила безопасного

соседства, основанного на расстояниях и высотах, но учитывает при этом примат традиционализма.

Законодательство четко предусматривало, что человек, который строит дом, должен оставить пространство 4,5 м. между его строением и домом соседа. Интересно замечание о том, что, дабы избежать дальнейших разногласий, это расстояние должно соблюдаться «снизу доверху». Видимо, автор закона заранее предположил, что соседи будут стараться обходить предписания, и для расширения своего жилого пространства пристраивать балконы.

Еще одной причиной регламентации расстояния между соседями являются апопсии. В трактате Юлиана Асколонита упоминаются три вида апопсии (т. е. вида на местности, который дают право на отвод соседнего строительства): вид на море, вид на сады, вид на общественные памятники. И если право вида на деревья вскользь упоминают Василики, то право наблюдать из дома за общественными постройками защищается лишь Трактатом. Право же византийца беспрепятственно обозревать море защищали практически все известные нам законодательные акты. Стоя или сидя в своем доме, он должен его увидеть. Традиционная для византийца потребность видеть море берет свое начало в античности и прослеживается во многих источниках. Вид на море ни в коем случае не может быть нарушен, поскольку, по мнению Юлиана Асколонита, обозревающим предоставляется этим видом множество душевных наслаждений.

Впрочем, были и исключения. Возможность обозревать море из своего дома могла быть и ограничена как устными договоренностями между соседями, позволявшими нарушать закон, так и желанием византийцев сохранить внешний вид старых построек. Так, дом, сгоревший в огне или разрушенный по какой-либо иной причине, мог быть восстановлен на нужную высоту, даже если вид на море для соседа будет затруднен. Необходимым является при таких условиях сохранить расстояние в сто футов вокруг. Такую же цифру называет и Асколонит, допуская строительство любого дома при соблюдении подобного расстояния между соседями.

Любой вид на море мог быть ограничен и соглашениями между домовладельцами. Но соблюдение расстояния в двенадцать футов все равно было при этом обязательным, дабы преемники домовладельцев имели шанс вернуть себе право видеть море. О таких договоренностях, приводивших, по нашему мнению, к постоянным спорам между соседями, подробнее говорится в Дигестах Юстиниана. Тут право на отвод соседнего строительства названо сервитутом. К примеру, «когда устанавливается сервитут, содержащий воспреещение заслонять свет, то это рассматривается преимущественно в том смысле, что у соседа нет права без нашей воли строить

слишком высокие здания и таким образом уменьшать освещение наших зданий»; «имеется и сервитут, заключающийся в том, чтобы не заслонялся вид». Из логики раздела «О сервитутах городских имений» (*De servitutibus praediorum urbanorum*), можно сделать вывод, что соседи могли продавать друг другу свои права – сервитуты или обменивать их на другие. Так, например, в обмен на разрешение закрыть излишне высоким вторым этажом вид на море, лишенный морского вида мог выдвинуть балкон на участок соседа ближе, чем на 4,5 м., гарантированных Зиномом.

Кроме того, предметом тяжб между соседями могло стать право «отводить дождевую воду на крышу или на двор соседа или не отводить, а также опереть балку на стену соседа». Подобные договоренности, позволяющие обойти закон, могли свести на нет весь ожидаемый эффект от градостроительного законодательства VI–X вв. Агафий Миринейский описывает подобную ситуацию в Константинополе: «Есть в Византии некий человек, по имени Зином... Жил он по соседству с Анфимием, так что, казалось, они обитают в одном жилище и заключены в одних пределах. С течением времени у них возникли споры и раздоры или вследствие вида [постройки], необычного раньше, или вследствие новой, неумеренно поднятой в высоту и загораживающей свет, или из-за чего другого, так как естественно, что у слишком близко друг от друга живущих возникают споры...

Зином приобрел отличный дом, очень обширный и красивый, изысканно изукрашенный... Нижние помещения были с одной стороны близки к дому Анфимия, так что общая крыша соединяла потолок одного и часть постройки другого». События, изложенные Агафием, отражают ситуацию VI в., когда законодательство Зинона действовало более шестидесяти лет. Описывая землетрясение 551 г. в Константинополе историк отмечал, что узкие проходы городских улиц из-за паники быстро наполнились народом, так как дома были связаны между собой и редко можно было найти строение, находившееся на открытом месте, свободным и совершенно не связанным с соседним.

Таким образом, главным качественным критерием в расположении соседних домов относительно друг друга было четко оговоренное расстояние. Соблюдение предписанного расстояния должно было предупредить распространение пожара на соседний дом, предотвратить возможное распространение неприятного и вредоносного запаха, обеспечить владельцу дома возможность видеть море, сады или общественные постройки, наконец, просто служило защитой личного пространства семьи, жившей в доме, от любопытства соседей.

Письменные источники, специально регламентировавшие структуру городского византийского дома, нам неизвестны. Связано это, скорее все-

го, с преемственностью в обустройстве дома с позднеантичной эпохой. Византийское законодательство не позднее IV в. запрещает менять внешний вид домов и, видимо, соблюдение этих предписаний должно было сохранить ранневизантийский дом похожим на позднеантичный. Подтверждение этому мы находим в археологии византийских домов во многих провинциях империи. Исследователи отмечают, что ранневизантийские дома не отличались от домов римского и даже эллинистического периодов. Некоторые из них постоянно изменялись внутренне, их комнаты разделялись на помещения меньших размеров (Эфес, Фессалоники, Филиппы).

Анализ указанных выше источников позволяет понять предпочтения византийца: он хотел жить в доме с просторными комнатами и высокими потолками. Тяжбы между соседями, законодательные ограничения говорят о естественном стремлении расширить жилую площадь за счет пристройки второго этажа, балконов и других приставных конструкций.

Но запреты на строительство домов, загораживающих свет и вид, а также ограниченность городского пространства не позволяли, на наш взгляд, строить слишком высокие дома. Двухэтажные конструкции, очевидно, были наиболее популярными строениями в провинциальных городах империи. Чтобы поднять дом выше, нужно было решить спорные вопросы с соседями, а именно выкупить сто футов территории вокруг дома, что, скорее всего, было накладно, либо договариваться с соседями, что также приводило к убыткам. Строительство домов более двух этажей в городе могли позволить себе лишь очень состоятельные и влиятельные люди.

Византийцы старались максимально наполнить свой дом солнечным светом, для чего располагали свои жилые помещения на верхних этажах с солнечной стороны. Они стремились оборудовать максимально возможное количество окон, из-за чего частыми были обрушения домов, когда эти окна обустраивали в несущих стенах. Так, если домом владело несколько хозяев, рубить окно на первом этаже можно было лишь «дав письменное обязательство лицу, которое живет наверху, принять на себя весь ущерб, если в течение двух месяцев после того, как пробито внизу окно или дверь, в чем-либо пострадает стена; и поперечные балки этажей или верхние косяки дверей должны доставляться за счет того, кто пробивает внизу».

Жизнь византийской семьи становилась все более закрытой, что отразилось и в градостроительном законодательстве. Юлиан Аскалонит прямо упрекает жильцов усадеб, которые под видом боязни любопытных соседей пытаются «помешать строящим дома, обвиняя их в том, что они хотят со своей постройки подсматривать в дома соседей». Восприятие византийцев «чужого» хорошо отразилось в «Советах и рассказах Кекавмена». Автор не советовал показывать свой дом не только соседям, но и лучшему

другу: «А если ты поместишь его в своем доме, послушай, сколько неприятностей случится с тобой. Во-первых, твоя жена, твои дочери и снохи не имеют возможности выйти из покоев, чтобы сделать необходимое в своем доме. Если же крайняя нужда принудит их выйти, твой друг вытянет шею и будет на них пялить глаза. Даже если ты будешь стоять рядом, тебе будет казаться, что он наклонил голову, а он с любопытством воззрит на их походку, округлости, стан, глаза да, попросту говоря, осмотрит с головы до пят. Наедине со своими домашними он будет передразнивать и высмеивать их. Далее, он опорочит твою прислугу, стол, порядки, будет расспрашивать о твоём имуществе, имеешь ли то или это. Да что много говорить? Если найдет возможность, то будет подавать любовные знаки твоей жене, посмотрит на нее распутными глазами, а если сможет, то и соблазнит ее».

Постоянные тяжбы соседей между собой по этой причине заставляли регулировать вопрос обустройства окон и балконов. Законодательство разделяло два типа окон – для освещения и для обзора. Это подтверждает и законодательство Зинона, предусматривавшее панорамные или видовые окна и окна для света, видимо, очень маленького размера. Аннет Скалец даже называет их световыми отверстиями. Если в старинных кварталах не было возможным соблюсти расстояние между домами в десять футов, то панорамные окна вообще запрещались. Световые окна разрешались лишь на уровне шести футов над землей, то есть выше человеческого роста среднестатистического византийца того времени. Задумка была в том, чтобы не дать человеку, стоя на полу первого этажа, увидеть, что происходит у соседа. Это подтверждается и источником: «никто не должен... сделать то, что называется ложный пол, и тем самым обойти закон. Ибо, если так случится, окно для света будет, по причине ложного (высокого) этажа, служить для целей зрения и было бы слишком близко к ближнему». Впрочем, и это предписание можно было обойти, договорившись с соседом.

Если об устройстве жилого этажа письменные источники не говорят практически ничего, то хозяйственная жизнь на первом этаже часто упоминается в законодательных актах. Особенно в случаях, когда ремесленнику разрешалось совместить жилье с профессиональной деятельностью.

Трактат Юлиана Асколонита, как и Книга Эпарха, передает стремление городских властей максимально ограничить возможность людей, использующих в своей профессиональной деятельности огонь, обустраивать в своих домах мастерские, по возможности выставляя таковые на окраину города, либо строго регламентируют расстояние между ними и жилыми домами соседей. Разводить огонь для хозяйственных нужд как ремеслен-

ник, так и любой домовладелец, мог лишь во дворе своего дома. О разведении огня внутри дома законодательные акты ничего не говорят.

Двор, как и дом, мог принадлежать нескольким хозяевам, несущим равные обязательства при его ремонте. Трактат упоминает возможность обустройства во дворе, кроме очата, водопровода, стока дождевой воды, отхожих мест и даже бассейна.

Законы Зинона и в дальнейшем Василики предписывают облицовывать дом и двор эргастирия, где осуществляется непосредственная продажа, мрамором, дабы эти строения стали еще и украшением города. Василики предписывают принуждать горожан, даже против их воли, ремонтировать или реконструировать свои усадьбы в городах. Строительный материал при этом мог использоваться повторно, но исключительно из собственных домов. Как уже упоминалось выше, при реконструкции дома власти города и соседи строго следили за восстановлением первоначального вида строения.

Книга Эпарха упоминает о существовавших в Византии строительных норм по качеству кладки и долговечности вновь возведенного жилого дома. От мастеров, возводивших стены, внутренние арки и камары-своды требовали делать их равномерными и прямыми. Следили за качеством фундамента, чтобы постройка не оказалась непрочной. Гарантией качества была устойчивость здания в течении десяти лет, если оно было возведено из камня, шести лет – если из глины: «Если здание обрушится в течение десяти лет не вследствие Господнего гнева, то строитель должен восстановить это здание на собственные средства».

Таким образом, можно выделить следующие качественные критерии дома: расположение на местности; благоприятное соседство; санитарное состояние; безопасность; долговечность постройки. Письменные источники позволяют говорить о том, что дом в городской планировке V–X вв. должен был располагаться на расстоянии не менее 15 футов (4,5 метра) от общественных построек и 10 футов (3 метра) при наличии балкона. Предписывалось не размещать усадьбу возле крепостной стены, а если так случалось, невзирая на богатство и архитектурную ценность дома, уничтожать его. Геопоники рекомендовали размещать дом на возвышенности в приморской местности, на склонах, обращенных к северу. Места рядом со стоящими водами, болотами, глубокие долины, а также места, обращенные к южным ветрам, и западные склоны считались нездоровыми. Дом следовало обращать к востоку, так как именно восточные ветры считались здоровыми, позволяли лучше проникать в дом теплу и свету. Такое расположение, кроме благоприятного климата, объясняется широким видом и хорошим обзором местности. Византиец стремился жить в просторном

доме с высокими потолками, наполненном максимально возможным количеством солнечного света. Среднестатистический зажиточный дом должен был обладать двумя этажами и балконом, попасть на который разрешалось только со второго этажа. Окна в усадьбе со стороны соседей разрешались только световые, небольшие по размеру.

Из дома должен был обязательно открываться вид на море, возможно, на общественные постройки и сады, если такие были. Гарантией безопасности и хорошего вида было соблюдение расстояний между жилыми домами соседей и общественными постройками – соответственно не менее 10–12 и 10–15 футов. Понимая возможные негативные последствия и испытывая дискомфорт от запаха производственных комплексов, зажиточные ромеи стремились располагать свой дом вдали от мастерских-эргастриев. Идеальный дом внешне должен был походить на позднеантичный, что отражало традиционные ценностные предпочтения ромея, стремившегося остановить быстро меняющееся время, законсервировать его если не в религии, то хотя бы в жилом доме.

Византийский город, таким образом, должен был отражать все достижения цивилизации ромеев, выступая, особенно на окраинах державы, своеобразной рекламой византийского способа жизни. Он был как бы материальным воплощением того, что ожидало варварские народы в случае присоединения к империи. Херсонес–Херсон как провинциальный центр обладал большинством показателей качественной жизни византийского города.

ЛИТЕРАТУРА

- Агафий Миринейский.* О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. – М., 1996.
- Византийская Книга Эпарха / Пер. и коммент. М. Я. Сюзюмова. – М., 1962.
- Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века / Пер., прим. Е. Э. Липшиц. – Л., 1960.
- Дигесты Юстиниана // Памятники римского права: Законы 12 таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М., 1997.
- Кекавмен.* Советы и рассказы: Поучение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, перевод с греческого и комментарий Г. Г. Литаврина. – СПб., 2003.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. – М., 1989.
- Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта / Пер. с греч. В. И. Оболенский и Ф. А. Терновский. – М., 1887.
- Проконий Кесарийский.* Война с готами. О постройках. – М., 1996.
- Сюзюмов М. Я.* О трактате Юлиана Аскалонита // АДСВ. – 1960. – Вып. 1.

- Пархоменко М. В. К вопросу о качестве жизни византийских горожан: постановка проблемы (на примере Херсонеса / Херсона) // Всеукраїнська наукова конференція «Історичні регіони України: минуле та сучасність». 28–29 листопада 2013 р. – Харків, 2013. – С. 58–62.
- Пархоменко М. В. К вопросу о локализации больницы в византийском Херсоне // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VII Международной научной конференции (Харьков, 28–29 октября 2010 г.). – Харьков, 2010. – С. 9–90.
- Пархоменко М. В. К вопросу о медицине в византийском Херсоне / Каразінські читання (історичні науки): Тези доповідей 63-ї міжнародної наукової конференції (м. Харків, 23 квітня 2010 р.). – Харків, 2010. – С. 265–267.
- Пархоменко М. В. Медицина в византийском Херсоне // Медицина в художніх образах. – Вип. 8–9. – Донецьк, 2011. – С. 257–268.
- Пархоменко М. В. О медицине в византийском Херсонесе–Херсоне // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2011. – № 982: Сер. «Історія». – Вип. 44. – С. 40–52.
- Пархоменко М. В. О структуре жилого дома Херсонеса–Херсона (IV–IX вв.) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Харків, 2009. – Вип. 12. – С. 37–45.
- Пархоменко М. В. Письма Папы Мартина I как источник о рационе питания жителей византийского Херсона VII в. // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2013. – № 1087: Сер. «Історія». – Вип. 47. – С. 69–82.
- Пархоменко М. В. Представление ромеев о расположении идеального дома в Византии // Laurea I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. – Харьков, 2015. – С. 135–139.
- Пархоменко М. В. Стародавні пам'ятки житлових будинків на території сучасної України (на прикладі візантійського Херсона) // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. – 2011. – № 939. – Серія: Історія України. Українознавство: історичні та філософські науки. – Вип. 14. – С. 6–11.
- Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. – Т. 2. – Тюмень, 2008.
- Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. – Екатеринбург, 2000.
- Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон (отражение в источниках основных функций города) // АДСВ. – Барнаул, 1992. – Вып. 26: Византия и средневековый Крым. – С. 204–213.
- Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. – 1987. – Вып. 23 – С. 52–68.
- Сапрыкин С. Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикийи) // ВДИ. – 1987. – № 1
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.) Очерки истории и материальной культуры. – Ч. 1–2. – Харьков, 2005.
- Сорочан С. Б. Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: учеб пособие. – Харьков, 2011.

Сорочан С. Б. О соляном и рыбозасолочном промыслах византийского Херсона VI–VII вв. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы: материалы XI Боспор. чтений, Керчь, 2010 г. – Керчь, 2010. – С. 423–426.

Сорочан С. Б. Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском // Труды Гос. ист. музея. – М., 2006. – Вып. 159: Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н. П. Сорокиной. – С. 94–117.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 63.

Saliou C. Les lois des bâtiments: voisinage et habitat urbain dans l'empire romain. Recherches sur les rapports entre le droit et la construction privée, du siècle d'Auguste au siècle de Justinien. – Beyrouth, 1994.

Skalec A. Privat buildings and their juridical context in the byzantine Near East // Revista da Faculdade de Direito, Universidade de São Paulo – São Paulo, 2011. – Vol. 106/107.